

ВЫДВИЖЕНЕЦ

(О книге А. Веселого «Пирующая весна»).

В одном рассказе Веселого «Зеленый куст» взята жизнь негра-кочегара. Веселый умеет воссоздать плоть жизни. Он чувствует «вкус ее и запах». Он физически ощущает пустыню, океаны, матросов, видит изнутри дикаря-кочегара, для которого и страны и города переливались точно «калифорнийское вино», а люди мелькали, как «танцующие минутки».

Кочевая жизнь загнала негра в пустыню погонщиком верблюдов. В пустыне, где «ночь падает быстро, как меч», сознание негра рассекает мысль, что он—раб. «Засыпанная угольной пылью мысль Андрея пробилась сверкающим родником» позднее в портовом кабаке. Там моряк Мак, размахивая «потрепанной в пыли драк шалкой», рассказал ему, что он видел в «Красной Русее». Туда и уплыл негр-кочегар в угольном люке транспортного парохода, чтобы жить в стране, «где китайцы, персы, азиаты работают вместе с русскими», где «наш брат—черный—ходит по тротуару и никто не гонит его палками по мостовым».

Негр у автора вырастает не как отдельное лицо, а как выразитель множества негров. В этой работе только нащупываются пути для передачи множеств. В ряде других работ автор для передачи сборищ, групп, фронтов, митингов, казарм находит новые средства.

Вот пример вымышленного, но дышащего правдой жизни массовидного диалога между фронтом и царским начальством:

«Начальники говорят:

— Рассея—наша мать.

Солдаты отвечают:

— Домой.

Те свое:

— Честь русского оружия.

А эти в голос:

— Домой.

Те опять:

— Геройство, лавры, долг.

А в упор:

— Домой, домой, домой». (Россия, кровью умытая).

Из отдельных фигур Артему наиболее удаются бешеный, ураганный полудеклассированный бунтарь и мятущийся, жадно рвущийся к новой жизни крестьянин. В «России, кровью умытой» проснувшаяся, беспокойная и вместе

деловитая, хозяйственная фигура крестьянина дана в образе Кузеля. Веселый знает всю подноготную, все почесывания, все нутро крестьянина, приобщающегося к государственной жизни и разуму хозяйствующего класса. Сам Веселый—сын, гражданин, человек этой новой исторической среды, ее выдвигенец.

Веселый почувал крушение индивидуального образа, пусть и обобщенного и типизированного. Он пашел его недостаточным для передачи революционных явлений жизни. Он хочет говорить голосами множеств, голосами масс. Он упорно, на свой страх и риск, решает эту трудную проблему, продиктованную самой сущностью массовых потоков революции.

У Веселого много незрелого; его самого, по собственному признанию, «коробит от недоработанности и блеклости многих страниц». Веселый не знает торных, безошибочных путей. Кто их знает, тот обречен. Веселый подошел к самым истокам рождения масс, дышал их дыханием. Он—физически и духовно—сын их. И потому разделяет их участь в противоречивом, в изумительно тяжелом движении вперед. У него есть этюды к роману. В одной из глав «Лирическое наступление» здоровье, нетронутые силы, языческая радость жизни переливаются через край. История Кавказа и Кубани даны как песня голосами племен, орд, казацкой вольницы. Веселому тесно в рамках традиционного искусства.

Но Веселый не достаточно отсиделся на вершинах традиционного искусства, чтобы уже в данной фазе окончательно взять новые вершины, разрешить проблему множеств не только в их стихийных, но,—что гораздо существенней и исторически насущней,—в планомерно-сознательных проявлениях. Но ошибки, дерзкое «озорство», как и серьезные, ощутимые, многозвучные Веселовские эксперименты,—гарантия тому, что выдвигенец новой исторической среды занялся проблемой множеств всерьез и надолго, что он будет искать выражений для всех фаз, для всех критических и органических моментов действий масс в истории прошлых и нынешних времен.